

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ
3-ТОМ
НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Джордж Беркли

Беркли родился недалеко от Килкенни в Ирландии в 1685 году, он стал самым талантливым философом с этого острова со времён Джона Скота Эриугена Джона, жившего в IX веке.

Джордж Беркли учился в Тринити-колледже в Дублине. А получив степень бакалавра в 1704 году, стал членом колледжа на основании двух математических работ. В отличие от Лейбница, он писал свои лучшие философские произведения в молодости, в возрасте от двадцати четырех до двадцати восьми лет.

«Эссе о новой теории зрения» появилось в 1709 году. Оно раскрыло понятие того, как мы оцениваем расстояние и размер увиденных объектов. Расстояние, как утверждается, само по себе не видно, оно является «линией, проходящей вдоль глаза». Мы судим о нём по степени различимости внешнего вида и по ощущениям, которые мы испытываем, настраивая глаза на оптимальное зрение. Когда мы рассматриваем визуальное восприятие размера, мы должны различать видимую величину и осязаемую величину. «Есть два вида объектов, воспринимаемых зрением, каждый из которых имеет свою определенную величину или расширение. Один правильно осязаемый, то есть воспринимаемый и измеряемый на ощупь, а не сразу попадающий под чувство видения. Другой – правильно и сразу видимый, при посредничестве которого первый вводится в поле зрения». Видимая величина Луны изменяется в соответствии с её расстоянием от горизонта. Но ее осязаемая величина остаётся постоянной. Однако именно по визуальной величине мы обычно судим об осязаемой величине. В случае как размера, так и расстояния обсуждение Беркли приводит к эмпирическому выводу: наши визуальные суждения основаны на опыте связей между ощущениями.

Как мы видим расстояние, так мы видим величину. И то, и другое мы видим так же, как видим стыд или гнев во взгляде человека. Эти страсти сами по себе невидимы, но они впускаются глазом вместе с цветами и изменениями лица, которые являются непосредственным объектом видения и которые означают их только по той причине, что они сопровождают их. Без опыта нам не следовало бы краснеть больше в знак стыда, чем в знак радости.

Связь между формой, о которой судят по зрению, и формой, о которой судят по прикосновению, можно узнать только по опыту. По сути, видимая округлость и ощущаемая округлость не имеют ничего общего. Слепорожденный человек, научившийся на ощупь отличать куб от сферы, не смог бы, если бы его зрение вдруг восстановилось, узнать, глядя в одиночку, какой из двух предметов на столе перед ним – куб или шар. Так заключает Беркли, следуя Локку.

Очевидно, что «Новая теория» была вкладом в экспериментальную психологию, а также в философию разума.

Ошибка философов, отождествивших расстояния, величины как первичные качества с чем-то непосредственно ощущаемым, Беркли мыслит исправить так: «Число (как бы настойчиво ни относили его к первичным качествам) не есть нечто определённое и установленное, существующее в самих вещах. Оно есть всецело создание духа, рассматривающего или простую идею саму по себе, или какую-либо комбинацию простых идей, которой даётся одно имя, и которая таким образом сходит за единицу».

Другая ошибка, согласно Беркли, состоит в следующем. Мы воображаем, будто на дне глаза получается чуть ли не буквальное изображение внешних объектов. Беркли же стремится доказать, что нет никакого сходства между идеями зрения и воспринимаемыми вещами. При этом историки мысли нередко упускают из виду, сколь сложную структуру имеет берклианское понимание зрительных и всяких иных впечатлений в их отношении к телам природы.

С одной стороны, Беркли вполне в духе Локка и других сенсуалистов утверждает независимость существования тел вне сознания. «Тела существуют вне сознания, то есть они не сознание (mind), но от него отличаются. Тем самым я принимаю, что сознание в свою очередь отличается от них». «Тела и прочее существуют даже тогда, когда не воспринимаются, будучи возможностями (powers) в действующем существе, то есть Боге». Итак, одной стороной философии Беркли, вопреки распространённым в марксистской литературе оценкам, оказывается опровержение субъективного идеализма, где самым «сильным» аргументом является ссылка и на независимый мир тел, и на Бога, заключающего в себе как существования, так и возможности тел. И потому Беркли был по-своему прав, когда утверждал, что он «более уверен в существовании и реальности тел, чем господин Локк». Когда Беркли говорит: «В соответствии с моими принципами существует реальность, существуют вещи, *rerum Natura* (природа вещей)», он имеет в виду некоторую принципиальную возможность мира, которую

нельзя отрицать по причинам, названным выше. Главная из них, конечно, Бог, дух, независимый от всех человеческих сознаний.

Но Беркли идёт дальше. И применительно к телам природы, относительно которых он утверждал их (Богом обусловливаемую) независимость от ума и сознания, философ предлагает поразмыслить над трудностью, которую считает неразрешимой в рамках материалистического сенсуализма. Это особенно интересно для понимания проблем искусства и искусствознания.

Скажем, я сейчас воспринимаю стол, за которым сижу. В этом случае существование стола неотделимо от восприятия в том смысле, что стол не существовал бы для меня и других людей, если бы мы его не воспринимали. Но вот я выхожу из комнаты и, стало быть, уже не вижу, не воспринимаю стол. Значит ли это, что он существует вне моего или нашего восприятия? Ни в коем случае, отвечает Беркли. Когда бы и как бы мы ни представляли себе, ни мыслили стол, он уже неотделим от совокупности каких-либо чувственных восприятий. И только таким стол перед нами представлен, «репрезентирован» нам. Отсюда следующие центральные принципы философии Беркли:

1) существовать (быть) – значит быть воспринимаемым: *esse – percipi*;

2) «я не в состоянии помыслить ощущаемые вещи или предмет независимо от их ощущения и восприятия. На самом деле объект и ощущение – одно и то же (*are the same thing*) и не могут быть абстрагируемы одно от другого».

3) мы никогда не можем воспринимать реки, горы, дома, предметы природы, в некоем их существовании, отличном от того, каким они предстают перед разумом. «А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (*ideas or sensations*)?»

4) отсюда для Беркли следует, что необходимо отвергнуть свойственную материалистической теории отражения мысль о том, что «идеи могут быть копиями или отражениями (*resemblances*) вещей». Идеи не могут походить ни на что, кроме самих идей. Цвет или фигура (которые Беркли считает именно идеями, довольно сложным путем возникшими) могут походить только на другие цвет или фигуру.

При этом Беркли отклоняет сложившееся в его время представление о первичных и вторичных качествах, согласно которому первичные качества объективны, то есть наличествуют в самих телах, а вторичные качества субъективны. Беркли разбирает приводимую в пользу этой концепции аргументацию. Вторичные качества считаются субъективными потому, что их относят не к предметам, а к органам чувств, действующим отнюдь не по принципу зеркала. Но, рассуждает Беркли, то же самое можно сказать о первичных качествах – протяжении, фигуре, движении, ибо и они зависят от специфической в каждом случае работы органов чувств человека, прежде всего зрения. А зрение, как мы уже знаем, даёт не простые копии качеств, заключённых в предметах, а оказывается результатом сложной конструктивной работы духа, итогом длительной работы чувств и ума, что, собственно, и понимается под опытом.

Ещё одна специфически берклианская тенденция в философии, о которой, наверное, стоит упомянуть, это отрицание «реальности» абстрактных идей. Беркли продолжает здесь линию локковского номинализма, но делает это ещё решительнее, пытаясь преодолеть его материалистический уклон. Прежде всего подвергаются отрицанию общие абстракции философии, подобные материи, материальной субстанции. Аргументы, направляемые против общих идей, не затрагивают, согласно Беркли, понятия духа как такового. Здесь он готов присоединиться к реалистам. Что же до материи, то в ход идут номиналистические соображения и выводы.

«Если мы последуем указаниям разума, то из постоянного единообразного хода наших ощущений мы должны вывести заключение о благодати и премудрости духа, который вызывает их в наших душах. Но это всё, что я могу отсюда разумного вывести. Для меня, говорю я, очевидно, что бытия духа, бесконечно мудрого, благого и всемогущего, с избытком достаточно для объяснения всех явлений природы. Но что касается косной, неосязающей материи, то ни что, воспринимаемое мной, не имеет к ней ни малейшего отношения и не направляет к ней моих мыслей».

Следующая работа Беркли «Принципы человеческого знания» 1710 года была чем-то совершенно иным. Она представила и гениально защитила удивительный тезис о том, что материи не существует. Даже Лейбниц, прочитавший книгу, как только она появилась, был немного шокирован. Он писал: «Многие вещи, которые здесь, кажутся мне правильными,

выражены довольно парадоксально. Ибо нет нужды говорить, что материя – ничто. Достаточно, что это явление как Радуга».

Нематериализм Беркли был вновь представлен им в 1713 году в «Трёх диалогах между Хиласом и Филоном», короткой работе, которую Энтони Кенни считает одной из самых очаровательных произведений философии, написанной на английском языке. В диалоге Филон, любитель ума, спорит с Гиласом, покровителем дела. И Филон побеждает. Аргументация проходит в четыре этапа. Во-первых, утверждается, что все разумные качества – это идеи. Во-вторых, понятие инертного вещества проверяется на разрушение. В-третьих, доказательство существования Бога. Наконец, обыденный язык – это переосмысление в соответствии с имматериалистической метафизикой. В конце концов, Гилас соглашается с тем, что деревья и стулья – ни что иное, как пучки идей, произведенных в нашем сознании Богом, чьё собственное восприятие – единственное, что держит их в непрерывном существовании.

Последней работой Беркли по теоретической философии был латинский «Трактат о движении», опубликованный в 1712 году. К тому времени он уже два года был священником протестантской Церкви Ирландии. Время от времени он посещал Лондон, где стал другом Александра Поупа и был представлен при дворе Джонатаном Свифтом. В 1714 году он совершил большое путешествие по континенту, взяв Альпийский маршрут в середине зимы. Он был соответствующим образом напуган перевалом Мон-Сенис – «высоким, скалистым и достаточно крутым, чтобы заставить сердце самого доблестного человека таять в нем».

В 1724 году он стал деканом университета города Дерри и подал в отставку с должности в «Братстве Троицы». Вскоре после этого он задумал план основания колледжа на Бермудских островах для светского и религиозного обучения сыновей британских колонистов из Континентальной Америки и коренных американцев. Он предвидел, что лидерство цивилизованного мира однажды перейдёт к Америке.

Беркли даже уже утвердил устав для своего колледжа и обещание парламентского гранта в размере 20 000 фунтов стерлингов, а это огромная сумма по тем временам. В 1728 году Беркли отправился в плавание через Атлантику. Добравшись до Ньюпорта, Род-Айленд, он вскоре решил, что это будет более подходящим местом для его академии. Но обещанный грант так и не материализовался. И Беркли вернулся в Англию в 1731 году, ничего не добившись. Граждане США, однако, не забыли его заботы об образовании своих предков, и назвали в его честь колледж в Йеле и университетский городок в Калифорнии.

В 1734 году Беркли назначен епископом в Клойне. Несмотря на то, что он был добросовестным епископом, его пастырская задача не была тяжелой. И он посвятил себя выяснению и распространению полезных свойств смоляной воды, которую он считал панацеей от большинства болезней. Смоляная вода была эссенцией из коры сосен, которую Беркли использовал в Америке как средство от оспы. В своём трактате «Сейрис» он писал: «У этой воды природа настолько мягкая и доброкачественная, что соответствует пропорциональной конституции человека, чтобы нагреваться без отопления, чтобы подбодрить, но не опьянять». Его слова позднее были использованы поэтом Уильямом Купером в восхвалении чая.

В 1749 году Беркли написал «Слово о мудрости», в котором он призывает Римско-католическое духовенство в своей епархии присоединиться к нему в стремлении избавиться своих соотечественников от наследственной лени и улучшить жалкое экономическое положение Ирландии. Три года спустя правительство выдало Беркли более прибыльную ирландскую должность, но он отказался и ушёл в Оксфорд. Последний год своей жизни он провёл в скромном доме на Холиуэлл-стрит. И умер в начале 1753 года, слушая, как его жена читает Библию. Беркли похоронен в соборе Церкви Христа, где до сих пор можно увидеть его памятник.